

— Отчего же нет? — спросил маркиз Цзянлин. — Или тебе что-то известно?

Чжухэнь под пристальными взглядами супругов-маркизов вздрогнул от страха и, спешно придя в себя, пролепетал:

— В-второй молодой господин... он ведь рождён наложницей...

— Только и всего? — маркиз Цзянлин повернулся к сыну. — Мэнчжэнь, тебя заботит происхождение второго молодого господина?

Цзян Мэнчжэнь качнул головой.

— Будь то законный сын или дитя наложницы — всех качают одни материнские руки. По происхождению о человеке не судят.

— В детстве... он часто прибегал играть со мной, — Цзян Мэнчжэнь опустил ресницы, чувствуя себя немного растерянно. — Был таким славным, ласковым мальчиком... Это ведь он подарил мне Облачко. А теперь, когда мы выросли... Он брат старшего молодого господина. Я... право, не знаю.

Цзян Мэнчжэнь и сам не мог толком понять, что испытывает к Ци Хэли. После недавних потрясений он выплакал немало слёз, но раз уж жизнь не оборвалась, приходилось, как и прежде, спать и есть. Мысль о том, что родители теперь прочат его в супруги Ци Хэли, казалась странной, рождала в душе стыд и смутное чувство вины. В силу своего упрямого нрава Мэнчжэнь когда-то, выбрав Ци Фэнцзю, пытался представить их будущую совместную жизнь. Теперь же воображение отказывалось рисовать подобные картины.

Но если ответить отказом... Родители правы: замуж идти всё равно придётся. О Ци Хэли он хотя бы что-то знал. Выбирать же кого-то чужого теперь — всё равно что ступать в беспросветную тьму, не ведая, какой человек окажется рядом.

Супруги Цзян переглянулись, без слов поняв друг друга. Госпожа Цзян мягко улыбнулась:

— Надо же... Значит, котенок, с которым ты не расстаешься, — подарок второго молодого господина? Видимо, сама судьба связывает вас. Наша с отцом затея хоть и кажется поспешной, но возникла не на пустом месте.

Цзян Бичэн обратился к стоявшим поодаль слугам:

— Вы всюду следовали за молодым господином в доме Ци. Скажите, каков собой их второй молодой господин?

Биянь не успела открыть рта, как вперед выскочил Чжухэнь:

— Второй молодой господин просто замечательный! С прислугой обходителен, без высокомерия. С виду молчалив, а на деле очень заботливый и чуткий...

Сбросив первую вспышку изумления и зависти, Чжухэнь вдруг осознал: только если Цзян Мэнчжэнь выйдет за Ци Хэли, он сам сможет безраздельно и законно принадлежать Мин-гэру! Ведь Мин-гэр любит именно его, а Мэнчжэнь от природы кроток и уступчив. Со временем его, Чжухэня, наверняка возьмут в дом наложником — разве тогда кто-то сможет помешать их тайной страсти? Этот брак казался благословением небес!

Пока Чжухэнь всюду улеживал маркиза с супругой, в комнату вошла Цзян Мэню. Её изящные брови были слегка нахмурены.

— Странные дела творятся, — озадаченно произнесла она. — Кто разболтал, что мы намерены породниться с семейством Ци? На улицах уже всюду судачат, да так гадко, что слушать тошно.

— Пустобрехи несчастные, — фыркнул Цзян Бичэн. — В следующий раз так им и скажи: да, мы собираемся сосватать сына в дом Ци!

— Но... за кого именно? — недоуменно спросила Мэню.

Госпожа Цзян нежно погладила младшего сына по волосам и ласково произнесла:

— Нашим зятем станет не старший молодой господин Ци, а второй.

Спустя несколько дней, прослышав о столь невероятных слухах, старый господин Ци по наущению наложницы Чжоу поспешил нанести визит супругам Цзян. Он-то думал, что о столь блестящем союзе отныне можно позабыть, но судьба совершила крутой поворот. Не прошло и получаса, как помолвка Цзян Мэнчжэня и Ци Хэли была решена.

Вскоре Чжухэнь с сияющим лицом прибежал поделиться вестью: он случайно подслушал слова маркиза о том, что свадьбу назначили на грядущую зиму. Облачко, ластясь, легонько поскребло коготками край одежды Цзян Мэнчжэня. Юноша отставил стеклянный фонарь и бережно поднял кота на руки. Он замер в растерянности, не в силах постичь, какими неведомыми путями судьба сочла нужным связать его жизнь с Ци Хэли.

Министр Ци призвал сына в свой кабинет. Они остались наедине — отец сидел за столом, а сын стоял перед ним. Пожалуй, такое происходило впервые с самого рождения Ци Хэли.

— Позвал я тебя по важному делу, — начал старый господин Ци. — Ты уже вошёл в возраст. Пришлось мне, позабыв о гордости, похлопотать и сосватать тебе супруга...

У Ци Хэли тревожно екнуло сердце. С каких это пор отец стал столь заботлив? Женильбу старшего брата старый господин Ци и его законная супруга планировали годами, выбрав для него Цзян Мэнчжэня — юношу безупречного происхождения и редкой красоты. Самого же Хэли по достижении зрелости в лучшем случае ждала женитьба на кузине со стороны наложницы Чжоу или на какой-нибудь безродной дочери от побочной ветви мелкого чиновника, чью судьбу устроила бы нанятая сваха. Где это видано, чтобы глава дома лично выпрашивал для него достойный брак?

— Твой наречённый знатен родом, статен лицом и кроток нравом. По правде говоря, ты ему и в подмётки не годишься...

— Раз не гожусь, то и не нужно, — холодно отозвался Ци Хэли. — Не хватало ещё, чтобы мне всю жизнь плевали в спину, попрекая низким происхождением и неровней.

Он и сам знал, что не умеет ценить благодеяния. Отец отродясь не ставил его ни во что, так к чему теперь эта показная милость? Не нужна она ему.

— Ах ты... паршивец! — старый господин со стуком опустил ладонь на стол и вскочил. — Люди к нему снизошли, а он ещё нос воротит! Или наслушался сплетен на стороне и теперь брезгуешь тем, что он был помолвлен с твоим покойным братом?

— Ч-что?.. — у Ци Хэли перехватило дыхание.

— Скажи спасибо, что поместье маркиза Цзянлин всё ещё согласно породниться с нами! Ты занял место покойного брата, вытянув счастливый билет, который за восемь сотен перерождений не заслужил, а теперь смеешь препираться со мной?!

— Вы хотите... чтобы я взял в жёны Мэн... — кадык Ци Хэли судорожно дернулся, он сипло, едва веря своим ушам, переспросил: — Цзян... Мэн... чжэня?

— А что, не мил? Да только твоего согласия никто не спрашивает! Свадьба назначена на зиму, так что сиди смирно и не смей дурить...

Дальнейших слов отца Ци Хэли уже не слышал. Лавина безумной, оглушительной радости накрыла его с головой. Разум помутился, мысли путались — всё это казалось невероятным, зыбким сном.

На выходе из главного двора Ци Хэли нос к носу столкнулся с госпожой Ци. Та ожгла его полным ненависти взглядом и процедила сквозь зубы с ядовитой усмешкой:

— Чего это наш второй молодой господин не чувствует под собой ног, точно ошпаренный петух? Должно быть, отец поведал тебе радостную весть, от которой разум помутился?

Столько лет она лелеяла надежду устроить этот брак для собственного сына, а теперь все плоды достались выродку презренной наложницы. Её изнутри душила чёрная злоба.

Юноша молча поклонился и отступил к стене. Госпожа Ци презрительно фыркнула:

— Заруби себе на носу: они просто выбрали лучшее из худшего. Не будь этой беды со старшим братом, тебе бы и взглянуть на него не позволили. Разинула пасть паршивая жаба на лебединое мясо... Смотри не подавись!

Выплюнув этот яд, она величаво удалилась. Слова о «лучшем из худшего» больно резанули Ци Хэли по самолюбию, но хмельной восторг от мысли, что Цзян Мэнчжэнь станет его супругом, мигом прогнал обиду, заглушив любые тревоги.

Наложница Чжоу, вытянувшись на пороге своих покоев, высматривала сына. Едва завидев Хэли, она торопливо засемила навстречу и, схватив его за руки, зачастила:

— Что отец тебе наговорил? Зачем звал-то?

Стоило сыну рассказать о помолвке, как наложница Чжоу всплеснула руками и просияла:

— Ой, радость-то какая! Мой сыночек теперь зять самого маркиза! Погляжу я, чья собака теперь посмеет твякнуть в нашу сторону! — Она увлекла его в комнату и, заговорщицки понизив голос, шепнула: — Ты сегодня поужинай да ложись пораньше. Матушка приготовила для тебя кое-что особенное!

Ци Хэли пропустил слова матери мимо ушей, всецело поглощённый собственными мыслями.

"Знает ли об этом гэгэ? Наверняка знает. Не согласись он сам, разве посмел бы отец принудить благородное семейство Цзян? Но свадьба лишь зимой... Значит, до самых холодов он точно не вернётся в наш дом, и мы не увидимся больше полугода..."

То беззвучно улыбаясь, то хмурясь от нетерпения, юноша тонул в сладком смятении. Сердце в его груди билось суматошно, точно пойманный заяц.

Глубокой ночью, когда Ци Хэли крепко спал, до его слуха донёсся тихий шорох шелка. Секунду спустя под тёплое одеяло скользнуло чьё-то разгорячённое тело. Юноша от неожиданности вздрогнул и попытался оттолкнуть незваного гостя, но рука наткнулась на податливую, нежную плоть. Из темноты раздался приглушённый вздох, и нежные, гибкие руки обвились его шею, увлекая за собой.

Сквозь остатки дремоты Ци Хэли прошиб холодный пот. Ему почудилось, будто он вновь тонет, и коварный речной призрак опутал его шею мокрыми длинными волосами, лишая возможности дышать.

— Прочь! — вскричал он, распахнув глаза.

Рванувшись в сторону, он соскочил на пол, схватил прислонённое к стене копьё и направил остриё на силуэт в постели. Почуввав, как в полумраке блеснула смертоносная сталь, незванный гость испуганно взвизгнул.

— Что за шум! — в дверях с масляной лампой в руках появилась наложница Чжоу. Она поспешно прикрыла за собой створку и сердито прошептала: — Хочешь, чтобы весь дом на уши встал?

— Матушка, что это значит?.. — Ци Хэли прищурился от тусклого света и обомлел. На его постели, съёжившись от страха, сидела Яньчжи.

— Глупый малый, а ещё будущий зять маркиза! Ведёшь себя как дикарь, — наложница Чжоу шутливо шлёпнула сына по плечу. — Я давно к ней присматривалась. Яньчжи — девушка скромная, покладистая да работающая. С сегодняшнего дня она твоя. Пора бы тебе познать радости плотской любви, чтобы не оплошать в первую брачную ночь.

Лицо Яньчжи густо покраснело, оправдывая её имя. Дрожа всем телом, она прижимала к нагой груди одеяло, которое сама же бережно заправляла поутру. Знакомый запах чистого мыла мешался с едва уловимым, дразнящим ароматом молодого тела хозяина, кружа ей голову. Влажные глаза служанки блестели от слёз и немного призыва. В отличие от тщеславной Шуйфэнь, она не зарилась на несбыточное богатство, а лишь беззаветно любила молодого господина. И вот этот долгожданный миг настал!

— Мне это не нужно, — Ци Хэли опустил копьё и отвернулся. — Забирай её и уходи.

— Да что ты капризничаешь! — всплеснула руками мать. — Или личиком не вышла супротив твоего благородного жениха?

— Как ты смеешь сравнивать?! — Ци Хэли яростно зыркнул на мать. — Не смей молоть этот вздор!

— Глупости! Не пробовал ещё, оттого и кричишь. Стоит задуть свечу — любая баба одинакова, — наложница Чжоу осеклась, заметив, как побелело от гнева лицо сына, и поспешила сменить тон: — Ладно, вижу, что она тебе не по душе. Но к чему этот крик? Сыновья во всех приличных домах ещё до женитьбы обзаводятся служанками для постели, дабы не осрамиться перед законным супругом. Или ты думаешь, законная госпожа станет заботиться о твоём мужском воспитании? Только родная мать и радеет о тебе!

Но Хэли стоял на своём, гневно требуя, чтобы обе немедленно убирались вон.

Наложница Чжоу на мгновение задумалась, и на её лице отразилось внезапное прозрение:

— Ах... Уж не боишься ли ты прогневать своего ненаглядного? Ну конечно! Законный супруг ещё порог не переступил, а в твоей постели уже девка — непорядок. Но ведь не обязательно сразу объявлять её наложницей! Тешься с ней втихомолку, твоему суженому знать об этом вовсе не надобно. А как понесёт — так и дадим ей долю. Яньчжи, согласна ли ты на такое?

Служанка зарделась ещё гуще и, не поднимая глаз, пролепетала:

— Рабыня согласна... Служить второму молодому господину — уже великое счастье для меня. Мне не нужно никакого положения в доме.

— Ну вот, видишь, сынок... — ласково пропела Чжоу.

— Каков у вас сговор! Истинные повадки наложниц! — Ци Хэли от ярости затрясло, и он зло рассмеялся. — Мать-наложница учит девок стелиться в постель, а те только и умеют, что прыгать под одеяло к хозяевам! Тошно смотреть! Неужели вам самим не противно? И какая корысть быть подстилкой? всю жизнь пресмыкаться, родить безродного ублюдка, которого каждый встречный будет мешать с грязью!

Будущему зятю маркиза претила сама мысль об этом. Одно дело — пойти в чужую постель от безысходности и голода, и совсем другое — добровольно падать ниц, лелея собственную низость! Законный брак с Цзян Мэнчжэнем ещё даже не был заключён, а родная мать уже тащила к нему в постель девку, точно желая осквернить это святое чувство. Разъярённый, точно растревоженный рой ос, Ци Хэли перехватил копьё и, не проронив больше ни слова, бросился вон из комнаты.

Лицо Яньчжи мгновенно побелело от ужаса. Наложница Чжоу, растеряв всю спесь, кинулась за сыном вслед, выкрикивая в темноту двора:

— Ах ты, неблагодарный щенок! Нос задрал, почуяв силу?! Мать родную поносить вздумал?!

Добежав до калитки, она вовремя спохватилась: негоже привлекать внимание стражи. Бранясь под нос, наложница Чжоу вернулась в покои. Яньчжи лежала ничком на постели, безутешно рыдая и кусая подушку от стыда. Опасаясь потерять верную помощницу, Чжоу присела рядом и принялась терпеливо утешать её, покуда та наконец не утихла.